

З

а картину «Невский проспект ночью» ее автора — русского живописца и портретиста Николая Александровича Ярошенко — в 1876 году единогласно приняли в члены Товарищества передвижных художественных выставок. Затем его избрали в состав правления. А через два года художник написал своего знаменитого «Кочегара», вслед за ним из-под его кисти вышел «Заключенный».

Картину «Курсистка» Николай Ярошенко создавал на взлете своей творческой карьеры — художнику было 34 года. Написана картина в 1880 году. А через три года ее впервые увидели посетители одиннадцатой выставки художников-передвижников.

Выставка открылась 2 марта в здании Петербургской Академии наук. Закрылась 10 апреля. После закрытия она переехала в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которую с 16 апреля по 29 мая посетило несколько тысяч москвичей. «Московские ведомости» писали об одиннадцатой передвижной выставке, что «...толпа тенденциозных бездарностей» обращает искусство в «орудие живописного либерализма».

«Толпа бездарностей» — это Илья Репин, Василий Суриков, Николай Ярошенко, а «живописный либерализм» — это «Крестный ход в Курской губернии», «Меншиков в Березове», «Курсистка»...

На картину Николая Ярошенко «Курсистка» реакция была неоднозначной: российские периодические издания печатали отзывы, как восторженные, так и гневные.

«Таких девушек «с книжкой под мышкой», — размышлял на страницах «Отечественных записок» русский писатель Глеб Успенский, — в плед и мужской круглой шапочке, всякий из нас видал и видит ежедневно и уж много лет подряд... И вот художник, выбирая из всей этой толпы «бегущих с книжками» одну самую обыкновенную, обставленную самыми обыкновенными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженных волос, тонко подмечает и передает вам, «зрителю», «публике», самое *главное*... Это главное: чисто женские, девичьи черты лица, проникнутые на картине, если можно так выразиться, присутствием юношеской, светлой мысли... Главное же, что особенно светло ложится на душу, это нечто прибавившееся к обыкновенному женскому типу — опять-таки не знаю, как сказать, — новая мужская черта, черта светлой мысли вообще (результат всей этой беготни с книжками)... Вот это-то изящнейшее, невыдуманное и притом реальнейшее слитие девичьих и юношеских черт в одном лице, в одной фигуре, осененной не женской, не мужской, а «человеческой» мыслью, сразу освещало, осмысливало и шапочку, и плед, и книжку, и превращало в новый, народившийся, небывалый и светлый образ человеческий».

Но были и другие рецензии. Редактор газеты «Берег» П.П. Цитович обрушился со всем своим гневом на «Курсистку» Николая Ярошенко, а в ее лице на тысячи юных девушек, мечтавших о самостоятельной жизни, об образовании, несогласных со «взглядами общества», выступавших против предрассудков сословий и семейств, произвола родителей, против травли, сплетен и клеветы: «Полобуйтесь же на нее: мужская шляпа, мужской плащ, грязные юбки, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвет лица, подбородок вперед, в мутных глазах все: беспечность, усталость, злоба, ненависть, какая-то глубокая ночь с отблеском болотного огня — что это такое? По наружному виду — какой-то гермафродит, по нутру подлинная дочь Каина. Она остригла волосы, и не напрасно: ее мать так метила своих Гапок и Палашек «за грех»... Теперь она одна, с могильным холодом в душе, с гнетущей злобой и тоской в сердце. Ее некому пожалеть, об ней некому помолиться — все бросили. Что ж, быть может, и лучше: когда умрет от родов или тифа, не будет скандала на похоронах».

Было от чего злиться рецензенту: на картине впервые в русской живописи изображена русская женщина-студентка. «Курсистка» Николая Ярошенко, по оценке искусствоведов другого, XX столетия, — это «отражение борьбы лучших сил российского общества за женское образование». Известные политические и общественные деятели России того времени активно выступали за предоставление женщинам права на образование. Среди них русский химик, ученый Д.И. Менделеев, композитор, член «Могучей кучки» А.П. Бородин, создатель русской физиологической школы И.М. Сеченов, профессор анатомии из Военно-медицинской академии В.Л. Грубер, безвозмездно читавшие лекции на женских курсах; они были покорены любознательностью и трудолюбием слушательниц.

Как известно, начало женскому образованию в России положила Екатерина II. Открывая в 1764 году Смольный институт благородных девиц, императрица полагала, что «Императорское воспитательное общество благородных девиц» даст «государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Принимали в Смольный институт девочек только из дворянских семей. Образование было 12-летним. Попытки расширить женское образование на другие слои населения в XVIII веке результатов не дали.

Пройдет еще 94 года, и в России в 1858 году откроются первые училища для девочек из незнатных семей. В середине 50-х годов XIX века женщинам разрешили посещать лекции Петербургского университета, а в 1859 году их лишили этого права. Через десять лет, в 1869 году, в Москве начали работать Лубянские высшие женские кур-

Николай Ярошенко. «Курсистка»

сы. А спустя девять лет, в 1878 году, — Бестужевские Высшие женские курсы, получившие наименование по фамилии учредителя и первого директора, профессора, русского историка Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Обучение шло на трех факультетах: историко-филологическом, юридическом и физико-математическом. Решение Министерства народного просвещения о Высших женских курсах сломало прежние устои.

«Не женское это дело — учиться», — говорили в народе, с опаской и недоброжелательно поглядывая в сторону курсисток.

Немного смущенная, но уверенная в своем решении девушка на картине Николая Ярошенко, стала олицетворением нового поколения. Ее милое светлое лицо и композиция картины, как отмечали искусствоведы прошлого, дают понять зрителю, что в этом «новом» нет ничего страшного и угрожающего.

На Высшие женские курсы принимали девушек не моложе 21 года. Героине художника Николая Ярошенко как раз 21 год. Лицо реальное: на полотне изображена Анна Константиновна Дитерихс из известного в русской истории рода военных, в будущем — детская писательница, мемуаристка, единомышленница Л.Н. Толстого, сотрудница просветительского издательства «Посредник», сделавшего доступной художественную и нравоучительную литературу для народа. Но на картине

1880 года она пока — студентка Бестужевских высших женских курсов, первого в России высшего учебного заведения для женщин.

И девушка в темном платье, с пледом на плечах и в маленькой круглой шапочке без полей, с книжками под мышкой, бодро шагающая по мокрой мостовой большого города, едва различимого в густом, сыром тумане, стала еще и олицетворением российского женского образования XIX столетия. А годом раньше ярошенковский «Этюд» с портретом молодого человека в широкополой шляпе и наброшенном на шею шарфом, которого посетители передвижной выставки 1882 года окрестили сразу «Студентом», стал символом российской учащейся молодежи.

Но «Курсистка» для Николая Ярошенко — это еще и личная тема, выношенная и выстраданная. Жена художника Мария Павловна — курсистка «первого бестужевского набора». И опекаемые ею девушки в пледах и круглых шапочках, постоянно бывавшие в квартире Николая Александровича и Марии Павловны, их разговоры и споры за чаем; и добрая приятельница их семьи Надежда Васильевна Стасова, вошедшая в историю как деятель русского женского движения, сестра Владимира Васильевича Стасова, активного участника творческой жизни «Могучей кучки» и Товарищества передвижников; и жена Василия Ярошенко, брата художника, Елизавета Платоновна, окончившая Бернский университет по юридическому отделению; и, наконец, встреча с Анной Константиновной Дитерихс, которая училась на словесном, а позднее на естественном отделении Высших женских курсов, — такой путь художника к картине «Курсистка».

Николай Ярошенко познакомился с Анной Дитерихс в Санкт-Петербурге. Анна довольно часто бывала в петербургской квартире Николая Александровича и Марии Пав-

ловны на Сергиевской улице, 63. В этой квартире художник поселился в 1879 году и проживал в ней до весны 1898 года. На «ярошенковских субботках» в Петербурге бывали художники, писатели, артисты, ученые и слушательницы Высших женских курсов.

С 1878 года Ярошенко много времени проводил в Кисловодске, пытаясь излечить прогрессирующий у него туберкулез. Как и художник, Анна Дитерихс тоже страдала туберкулезом. По приглашению Ярошенко она не раз приезжала в Кисловодск. Анна Константиновна останавливалась в доме, построенном по эскизу самого художника на земельном участке, который Николай Александрович и Мария Павловна приобрели в ноябре 1885 года. Приезжавшие гости называли дом «Белой виллой». В Кисловодске чету Ярошенко навещали Дмитрий Менделеев, Федор Шаляпин, Илья Репин, Сергей Рахманинов, Константин Станиславский...

Ярошенко запечатлел Анну Константиновну еще на одной картине. В 1890 году, через десять лет после создания «Курсистки», он изобразил ее на картине «В теплых краях». Картина написана в Кисловодске: Анна сидит в кресле на веранде «Белой виллы», укрыта теплым пледом, под ногами немного смятый ковер.

Кроме работы «В теплых краях», Ярошенко написал в Кисловодске картины «На качелях», «Проводил», «Девушка-крестьянка». Лучшим жанровым полотном этих лет искусствоведы называют картину художника «Хор». Долгие годы эта картина находилась в рабочем кабинете физиолога, академика И.П. Павлова. Вот уже более пятидесяти лет это выдающееся полотно, подаренное потомками ученого, украшает музей Н.А. Ярошенко в Кисловодске.

Помню, как трогательно рассказывал мне об этой находке и приобретении основатель музея Н. Ярошенко в Кисловодске Владимир Вячеславович Секлюцкий: «С трепетом и волнением я прошел в кабинет Ивана Петровича Павлова. Он был закрыт для посторонних. И мне довелось первым войти в эту обитель после кончины ее хозяина. Запомнил очень деловую обстановку комнаты — ничего лишнего. Старинная, строгая резная мебель, а над письменным столом висела картина «Хор». Художник написал картину с чувством большой любви к детям. Глядя на группу поющей детворы под руководством сельского дьячка, невольно появляется улыбка на лице. Картина писалась ласковой и заботливой отеческой кистью. Когда снимали картину со стены, Татьяна Николаевна¹ села в кресло и, закрыв глаза, заплакала. Для нее это была не просто картина, но дорогая и близкая ей память о Павлове, она расставалась с ней как с близким другом. Но человек большой культуры и ума, она понимала значение этого художественного произведения для русского искусства, для народа».

В Кисловодске Ярошенко занимался в основном пейзажной живописью. Николай Александрович побывал в таких уголках Кавказского хребта, куда в те времена «еще не добирался ни один становой». К лучшим живописным работам следует отнести полотна «Шат-гора — Эльбрус на рассвете, освещенный лучами восходящего солнца», «Тебердинское озеро», «Эльбрус в облаках» и «Красные камни». Про последнюю, небольшую по размеру работу, современники отзывались, что написана она «очень сочно, смело и красочно».

Но вернемся к героине картины «Курсистка». В 1885 году Анна Константиновна стала сотрудником издательства «Посредник», организованного годом раньше в Санкт-Петербурге по инициативе Льва Николаевича Толстого. Вдохновителями создания издательства выступили И.И. Горбунов-Посадов, П.И. Бирюков, В.Г. Чертков.

Иван Иванович Горбунов-Посадов (настоящая фамилия Горбунов) родился 4 (16) апреля 1864 года в посаде Колпино Санкт-Петербургской губернии. Вошел в историю отечественной литературы как русский и советский писатель, просветитель, педагог, редактор и издатель книг и журналов для детей. Известен в России прежде

¹ Татьяна Николаевна Павлова, жена сына академика И.П. Павлова, наследница и владелица замечательной коллекции картин.

всегда как один из ближайших сподвижников Льва Толстого. Иван Иванович познакомился со Львом Николаевичем в 1884 году. И стал последователем его учения. Принимал активное участие в деятельности издательства «Посредник» (брошюры-листовки для народа). К концу 1880-х годов Горбунов-Посадов — один из главных работников издательства, а с 1897 года — его руководитель. Горбунов-Посадов расширил деятельность издательства: выпускал новые серии «Библиотека для детей и юношества», «Библиотека для интеллигентных читателей».

О Павле Ивановиче Бирюкове — одном из самых первых друзей-единомышленников Л.Н. Толстого — известно, что родом он был из костромских дворян, служил морским офицером. В начале 80-х годов, оставив службу, увлекся толстовским учением, стал одним из руководителей издательства «Посредник». Лев Николаевич долгие годы работал вместе с Бирюковым, искренне полюбил его, знал, что «Поша», как ласково называл его Толстой, влюблен в его дочь Марию. Молодые люди готовы были вступить в брак, Лев Николаевич желал видеть Павла мужем своей дочери, но против этого брака категорически возражала Софья Андреевна. Несмотря на это, Павел Иванович навсегда сохранил добрые чувства к Марии Львовне, Льву Николаевичу, к его семье.

Владимир Григорьевич Чертков был полной противоположностью Бирюкову. По отзывам современников, Чертков был «замкнут, недоверчив, неловок, подозрителен, упрям, горд и требователен в отношениях с людьми». В 1883 году — год знакомства Черткова с Львом Николаевичем — Владимиру Григорьевичу исполнилось 29 лет.

Чертков родился в богатой аристократической семье. Его мать Елизавета Ивановна Черткова происходила из рода декабриста З.Г. Чернышева. Она была дочерью героя Отечественной войны 1812 года графа И. Чернышова-Кругликова, то есть родной племянницей декабриста Захара Григорьевича Чернышева (1796–1862), а также племянницей Александры Григорьевны Муравьевой — жены декабриста Никиты Михайловича Муравьева, последовавшей за мужем в Сибирь. После приговора декабристам титул и состояние З.Г. Чернышева перешли к его сестре, матери Е.И. Чертковой.

Его отец Григорий Иванович Чертков был весьма состоятельным помещиком, владел богатыми черноземными землями на юге Воронежской губернии и немалым количеством крепостных крестьян, среди которых был и Егор Михайлович Чехов — дед знаменитого писателя.

Сын четы Чертковых Владимир Григорьевич в юности служил в конно-гвардейском полку, получил офицерское звание. Выйдя в отставку, поселился в степном имении своих родителей — в Лизиновке Острогожского уезда Воронежской губернии. В этом имении Чертков и разместил издательство «Посредник».

Издательство ставило своей целью выпуск дешевых книг для народа, но поначалу реализовать этот замысел не удавалось, если бы не случайная встреча Владимира Григорьевича Черткова с известным в России издателем Иваном Дмитриевичем Сытиным. Чертков познакомился с Сытиным в 1884 году.

При первой же встрече Чертков признался Сытину, что обращался ко многим, но его предложение никого не заинтересовало — много ли заработаешь на издании дешевых книг?

А Иван Дмитриевич, вспоминая Черткова, просто загорелся этой идеей. «Это была не работа, а священнослужение, — писал Сытин, — Л.Н. Толстой принимал самое близкое участие в деле печатания, редакции и продажи книг». Содружество это продолжалось пятнадцать лет.

В переписке Льва Толстого нередко упоминается фамилия Дитерихс, и, как оказалось, не случайно. Толстовские Дитерихсы имеют прямое отношение к боевому генералу времен Гражданской войны в России Михаилу Константиновичу Дитерихсу.

Толстовские Дитерихсы — это Ольга Константиновна Толстая, которая была замужем за Андреем Толстым, сыном Льва Николаевича Толстого, и детская писательница Анна Константиновна Черткова, которая в 1886 году вышла замуж за Владимиром

ра Черткова, ближайшего сподвижника Толстого. Это о нем Лев Николаевич как-то сказал: «Бог дал мне высшее счастье. Он дал мне такого друга, как Чертков».

К тому же, Ольга и Анна (обе урожденные Дитерихс) — родные сестры упомянутого генерала Михаила Константиновича Дитерихса.

Генерал Дитерихс оказался в родстве не только с великим русским писателем, но и с ближайшим его другом.

Родственные связи соединяли Дитерихса и с русским поэтом Сергеем Есениным. Племянница генерала и родная внучка писателя, причем самая любимая, Софья Андреевна Толстая — последняя жена Есенина. В 2010 году Издательский дом «Ясная Поляна» выпустил в свет документально-художественное повествование (так определила жанр книги сама автор) научного сотрудника Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве Л.Ф. Подсвириной «Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба» с предисловием В.И. Толстого, праправнука Л.Н. Толстого. Первая часть этой книги так и называется «Из рода Толстых и Дитерихсов».

Исследователи истории картины Николая Ярошенко чрезвычайно ценят то, что в фигуре идущей из петербургского тумана по мокрому тротуару курсистке художник увековечил образ человека, дорогого сердцу Льва Николаевича Толстого.

В 1885 году Анна Константиновна стала сотрудником издательства «Посредник». Лев Николаевич познакомился с ней в Москве. Их первая встреча состоялась зимой 1886 года. Увидев впервые Анну Константиновну, он скажет ей: «А вы такая, как на картине Ярошенко».

Со своим мужем Владимиром Чертковым Анна Константиновна гостила и у Толстого в Москве, и у Ярошенко в Кисловодске.

Однажды Лев Николаевич приехал к Чертковым в Воронежскую губернию. Было это так. Светлые краски весны 1894 года, как писал воронежский исследователь Г.В. Антюхин в книжке «Друзья Л.Н. Толстого Г.А. Русанов и В.Г. Чертков», изданной Воронежским университетом в 1983 году, «не радовали обитателей хутора». В середине февраля 1894 года Чертков написал Толстому о своем мучительном состоянии и о болезни Анны Константиновны. 18 марта Чертков послал Толстому телеграмму о том, что Анне «сегодня было совсем плохо. Думали, что умирает. Теперь немножко ожила, но очень плохо. Хотела видеть вас».

Получив телеграмму Черткова, Толстой разволновался. В это время в его доме в Москве, в Долгохамовническом переулке, лежал больной сын Лев. В ответной телеграмме Толстой написал, что приедет, но не сейчас. 24 марта в Лизиновке Острогского уезда Воронежской губернии получили телеграмму следующего содержания: «Завтра курьерским выезжаем; есть ли проезд? Отвечайте. Толстой». На железнодорожной станции Ольгинской Льва Толстого и сопровождавшую его дочь Марию Львовну встретил бывший в ту пору на хуторе П.И. Бирюков. По пути Лев Николаевич расспрашивал Павла Ивановича о Чертковых, о болезни Анны Константиновны, о жизни на хуторе. Проселочные дороги еще не просохли: то и дело встречались глубокие лужи и ямы. Да и мосты в губернии еще не успели починить после зимы. Толстой видел, как по обочинам дороги уже пробивалась зеленая травка. Весенний воздух, солнечное тепло делали поездку приятной. Возможно, эту весеннюю картинку, увиденную Львом Николаевичем по дороге к Чертковым, писатель запечатлел позднее в начальных строках романа «Воскресение»: «Солнце грело, трава, оживая, росла и зелена везде...»

В Лизиновке Толстой увидел столь дорогих ему обитателей имения — Владимира Григорьевича и Анну Константиновну Чертковых. Анну Константиновну он нашел и жалкой, и милой, и все же твердой духом. Толстой смотрел на ее исхудавшее, бледное лицо. И, наверное, вспоминал ее молодой девушкой, какой он впервые увидел Анну, почти такой, какой изобразил ее художник Ярошенко.

Возможно, Толстой вспоминал в те нерадостные дни и встречу с Анной Константиновной в его московском доме.

«Зимой 1886 года (в половине декабря), — писала Анна Константиновна, — мы с Владимиром Григорьевичем выехали из деревни Воронежской губ. в Петербург и по дороге решили остановиться в Москве. Лишь только мы приехали в меблированные комнаты (на Страстном бульваре), как явился Лев Николаевич и настоятельно просил переехать к ним в дом...»

Эти дни жизни под одной крышей с великим писателем Анна Константиновна помнила всегда. Они были наполнены незабываемыми событиями, встречами, разговорами о литературе. «Самым ярким моментом стоит в памяти тот день, — вспоминала Анна Константиновна, — когда меня, захворавшую... и оставшуюся в постели весь день, посетил Лев Николаевич и просидел у меня довольно долго...» Лев Николаевич принес в тот день гранки своей драмы «Власть тьмы» и читал Анне Константиновне некоторые сцены из нее.

Особенно усилились симпатии писателя к Анне Константиновне после того, когда он узнал о ее серьезном отношении к классической и народной музыке. В тот день в доме у Льва Николаевича был Павел Иванович Бирюков, хорошо знавший ее по работе в издательстве «Посредник». В присутствии Толстого он попросил Анну Константиновну спеть романс П.И. Чайковского на слова А.К. Толстого «Благословляю вас, леса...» Исполнив его, Анна Константиновна почувствовала, что такая музыка не очень нравится Льву Николаевичу. И тогда она решила исполнить «Я ли в поле да не травушка была...» Лев Николаевич был в восторге: «Вот это совсем другое дело! Это прекрасно, очень хорошо...» А через несколько дней в присутствии всей семьи Толстого и гостей дома Анна Константиновна снова пела, а аккомпанировал ей Лев Николаевич. Писатель был возбужден и обрадован: после каждой песни он весело приговаривал: «Вот мы как!»

Теперь же, когда Анна Константиновна была так тяжело больна, Лев Николаевич искренне сочувствовал ей. Чертков верил, что приезд Толстого в Лизиновку поможет Анне Константиновне одолеть болезнь.

О своей встрече с Чертковыми, о беседе с Анной Константиновной писатель рассказал в небольшом письме Софье Андреевне, которое отправил из Ржевска: «Я очень рад, что приехал: и он, и, главное, она так искренне рады, и так мы с ними душевно близки, столько у нас общих интересов, и так редко мы видимся, что обоим нам хорошо. Она очень жалка и мила и тверда духом. Я сейчас с ней поговорил с полчаса и вижу, что она уже устала. Приподняться на постели она даже не может сама.»

Льву Николаевичу понравилось у Чертковых все: и жилье, и хутор, и природа вокруг него, о чем он писал Софье Андреевне: «Я смущался сначала мыслью, что нас слишком много вдруг понаехало, но тут столько домиков, что все разместились, и всем, кажется, удобно, а нам слишком хорошо. Место здесь очень красивое, постройка на полугоре, вниз идет крутой овраг и поднимается на другой стороне, поросшей крупным лесом. Я сейчас ходил один гулять и набрал подснежников.»

Можно представить, как после прогулки Толстой вернулся в дом, попросил разрешения войти в комнату к Анне Константиновне и протянул ей подснежники со словами: «Самой знаменитой «Курсистке» России». Наверное, Лев Николаевич и не говорил ей этих слов. Но хочется верить, что он мог сказать именно так.

* * *

Картина Н.А. Ярошенко «Курсистка» вот уже много лет находится в постоянной экспозиции Калужского музея изобразительных искусств, вторая версия этой работы (авторское повторение) представлена в Киевском музее русского искусства. «Курсистки» очень похожи по композиции, но у них разные цветовые решения. Калужское полотно более темное, киевское — более светлое. Кстати, киевский вариант воспроизводят чаще — его считают основным. Оба варианта картины специалисты считают завершенными.